

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ

Юрий ЛЕВАДА

Общественное мнение у горизонта столетий

Смена века: событие или дата? Горизонт, как известно, — понятие сугубо условное и субъективное, в каждый данный момент он определяется позицией наблюдателя, его положением над уровнем моря; видимое до этой границы зависит от наличных средств и опыта наблюдения. Это относится к горизонту времени, особенно в том случае, когда перед нами, как сейчас, самый крупный из доступных простому глазу, вековой рубеж. (Два-три поколения, которые вписываются в столетие, могут быть предметом живой памяти, тогда как одновременно отмечаемый рубеж миллениума — всего лишь предмет хронологических спекуляций.) Несомненно реальна мера человеческого или социального действия, смены поколений, политических эпох или пиков популярности. Каждый такой отрезок времени, измеряемый годами или месяцами, обладает собственным ритмом и структурой, у них "свой век". Век как столетие кажется совершенно искусственной, навязанной извне мерой, которая никакого отношения к реальным процессам не имеет. Но любые реально происходящие социальные процессы протекают при участии внимания, воображения и воли людей. Одна из их функций — задавать структуру времени, не только занятого конкретными делами и планами, но и "пустого". В "вековом" случае структурообразующими являются воображение, ожидание и пр. — не столько практического, сколько идеологического (социально-мифологического) порядка. В человеческом (социальном, массовом) восприятии именно события мифологизированные, именуемые "историческими": победы, катастрофы, прорывы, интриги, разочарования, жертвы и пр., придают некий смысл потоку событий.

Смена века представляется сменой такой рамки или даже самого типа рамки. Притом по-разному заметной. Грань XVIII–XIX вв. определили, а отчасти и смазали революционные перевороты во Франции и менее заметный в Северной Америке, наполеоновские войны и сама фигура парвеню-завоевателя. Переход от XIX в. к XX в. в Европе ожидался в атмосфере напряженности и некоторой фантастичности: за порогом "века прогресса", каким он (XIX в.) казался, видели одновременно и катастрофу традиционных ценностей (нравственности, красоты, религии, социального порядка), и осуществление утопий, социальных и технических. Вот как описывал Р.Музиль эту "иллюзию, нашедшую свое воплощение в магической дате смены столетий": "Из масляно-гладкого духа двух последних десятилетий девятнадцатого века во всей Европе вспыхнула вдруг какая-то окрыляющая лихорадка... Любили сверхчеловека и любили недочеловека... мечтали о старых аллеях замков, осенних садах, стеклянных прудах... но и о прериях, широких горизонтах, кузницах и прокатных станах, голых борцах, восстаниях трудящихся рабов, первобытной половой любви и разрушении общества... Это были, конечно, противоречия и весьма разные боевые кличи, но у них было общее дыхание..."*

На деле же начало нового века обозначили куда более прозаично и страшно даты Первой мировой войны (в России — с "опережающим опозданием" — 1905 г.).

Конец XX в., самого катастрофического столетия на людской памяти, обозначат, должно быть, позже — то ли падением коммунистической системы, то ли объединением Европы. Но смена веков не кажется катастрофой (может быть, потому что все катастрофы уже произошли?), скорее она воспринимается как карнавально-фестивальное событие.

Впервые к определению смены веков допущено общественное мнение. Но прежде всего не как "эксперт", а как участник, действующее начало процесса.

В экспертном же качестве, т.е. в роли "понимающей стороны", интерпретатора, ценителя событий векового масштаба, общественное мнение весьма ограничено в своих возможностях. Оно неизбежно оказывается близоруким, поскольку, как правило, принимает злобу последних лет или месяцев за событие века, шаблонно, поскольку оперирует заданным набором стереотипов, пристрастно, так как находится под влиянием текущих настроений, и т.д. Но именно эти характеристики общественного мнения представляют важный предмет исследовательского интереса.

XX век — первый массовый. Очевидно, что уже по масштабам массового участия в социально значимых акциях и процессах уходящее столетие не сравнимо ни с каким из предшествующих — тотальные войны, многомиллионные армии, всеобщие мобилизации, жертвы войн и геноцида, технические и социально-организационные средства массового уничтожения, массовое стандартизованное производство, ориентированное на массовое потребление, всеобщая грамотность ("бумажная", потом и "электронная"), всеохватывающая аудитория СМИ, всеобщие выборы и референдумы, всеобщая вакцинация, массовая культура и т.д. Дело не просто в количественных параметрах таких процессов. Более существенно то, что в каждом из них люди оказываются предельно обезличенной, как бы гомогенизированной массой пассивных участников, зрителей и жертв (эти позиции нередко сочетаются). Социальная иерархия, профессиональные и т.п. рамки не устраняются, соответствующие разделения даже становятся глубже, но они могут действовать только через массовые процессы как необходимое дополнение к ним. А так же, как условие воздействия (влияния и манипулирования) на такие процессы.

Накануне и в начале XX в. широкое распространение имели, с одной стороны, настроения панического испуга перед "восстанием масс" (Х.Ортега-и-Гассет), пришествием "грядущего Хама" (В.Мережковский), а с другой — надежды на "трудящиеся массы", на тех, которым "нечего терять, кроме своих цепей". В социально-психологической литературе массы иногда уподобляют толпе, описанной в XIX в. Г.Ле Боном или Г.Тардом*. Сейчас можно сказать, что не оправдались ни такие опасения, ни такие надежды. В исключительных, предельных ситуациях массы могут выступать как толпа, управляемая как будто лишь собственными групповыми эмоциями (где-нибудь в Уганде, на палестино-израильской границе). Однако практически все массовые процессы, характерные для XX в., оказались управляемыми и через социальные организации, и через специфические средства массового воздействия (массовая пропаганда и реклама с помощью масс-медиа). При ближайшем рассмотрении и действия современных "толп" находятся в зависимости от

* Музиль Р. Человек без свойств. М., 1994. Т. 1. С. 80.

* См.: Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.

идеологических и психологических установок систем массового воздействия.

Специфическая особенность управления массовыми процессами состоит в том, что их объектом служит не отдельный человек, а статистическая совокупность. Нельзя повлиять на политическое или потребительское поведение отдельного человека (как нельзя и предсказать его), но можно с достаточно большой эффективностью воздействовать на поведение многих тысяч и миллионов людей (равно как и изучать, и предсказывать его с помощью выборочных опросов, и пр.).

Средоточием управления массовыми процессами выступили государства, их промышленные, военные, политические и другие организации. В XX в. во всем мире происходило не "отмирание", а всестороннее укрепление государственных организаций с их специфическими институтами, бюрократией и т.д. Причем консолидация наций в государстве и выяснение отношений (границ и сфер влияния) определили содержание всех основных политических процессов столетия — войн, соглашений, деколонизации, формирования **надгосударственных** и межгосударственных институтов и пр. Иллюзорными оказались представления о "борьбе классов" как главной движущей силе истории (равно как и лозунги наподобие "уничтожения эксплуататорских классов и классов вообще"). Классы как социально-профессиональные группы не исчезли, но отношения между ними развивались в национально-государственных рамках и преимущественно в относительно мирных формах.

Если XVII в. считался "веком разума", XVIII в. — веком Просвещения, а XIX в. — веком Прогресса, то XX в. был преимущественно "веком наций" (причем этот последний символ явно лишен **позитивно-ценностной окраски**). Две мировые войны и все процессы национального самоутверждения на периферии **Европы** и в постколониальном мире проходили под этим знаком. В XIX в. катаклизмы кровавых войн, переворотов, восстаний, колониальных экспедиций и пр. могли "списываться" (задним числом) как условия или теневые стороны всепобеждающего "прогресса", в XX в. таких универсальных оправданий не существовало. Эксцессы социальных утопий (которые были сочинены под знаменами того же прогресса в XIX в., но реализовать их пытались в XX в.) могут иметь свои объяснения, но не оправдания.

В XX в. потерпели крушение все грандиозные социальные конструкции, предполагавшие некий план рациональной, оптимальной, справедливой и т.п., как казалось его разработчикам, организации, который должен быть навязан обществу. Это относится не только к двум экстремальным (по способам осуществления) проектам — коммунистическому и фашистскому, но и к целому ряду промежуточных или переходных форм, характерных для **"третьемировского"** развития. Соответственно, исчерпала себя и утратила смысл характерная для утопических идеологий мифологизация социальных процессов и конфликтов. Остаются конфликты крупных или мелких сил, интересов, амбиций и пр., но попытка представить их в мифологическом облике ("мировое добро" против "мирового зла" или что-нибудь в этом роде) бесперспективна.

Играя парадоксами, О.Уайльд утверждал более 100 лет назад, что существуют только две трагедии: первая — когда человеческие желания не исполняются, а вторая — когда они исполняются, и только вторая трагедия — настоящая. XX в. показал, каким кошмаром оказывается осуществление "снов золотых", навеянных человечеству столетием ранее.

В данном случае важно отметить наличие массового "компонента" во всех процессах, событиях, катаклизмах уходящего столетия.

Догмой государственной жизни XX в. во всех странах (за малым исключением) стало то **всеобщее—равное—**

прямое—тайное избирательное право, которого долго опасались как либеральные политики, так и радикальные революционеры, называвшие себя "пролетарскими": и те и другие считали, что голос темных, неискушенных в политике и поддающихся давлению масс исказит расклад общественных сил и помешает осуществлению рациональных программ. Сейчас это право повсеместно служит основой выборов, плебисцитов, референдумов как демократических, так и **манипулируемых**. Всеобщие голосования перестали быть опасными с тех пор, как ими научились манипулировать. В отечественной истории первые всеобщие и альтернативные выборы (в Учредительное собрание 1917 г.) оказались опасными для власти, следующие, уже безальтернативные (в Верховный Совет СССР в 1937 г.) — средством ее демонстративной массовой поддержки.

Всеобщие альтернативные выборы — особенно если они происходят на дуалистической основе — придают государственно-политическое значение соотношению большинства и меньшинства. А точнее, той незначительной доли колеблющихся избирателей, от которых зависит баланс голосов или мнений. Коллизии вокруг этой "решающей середины" разворачивались в последнее время — в разных условиях — на выборах в Югославию, в США. Это показывает, что сам механизм массового выбора далеко не безупречен.

Диктаторские режимы в XX в. — это режимы насилия над массами с помощью организованных масс (массовых партий, движений, систем массовой поддержки). А сами диктаторы выступают как лидеры, вознесенные и возлюбленные массами, одновременно помыкающие ими и нуждающиеся в их поддержке. Подобных функций лидеры XIX в. (наполеоны и наполеончики) не знали.

Массовый век существенно изменил способы деятельности политических и других социальных элит. Появилась публичная элита (масскоммуникативная).

В XIX в. определились роли парламентских и правительственных лидеров, в XX в. — массовых политических кумиров, представленных через СМИ, особенно через ТВ (теледебаты, интервью, а также "нечаянное" попадание в кадр — важнейшее средство утверждения политического деятеля массового типа). Отсюда и страх перед "экранной" критикой, столь явно присутствующий в российской политической жизни 2000 г.

Характерный для XX в. образец организации масс был задан прежде всего новым типом войн — двумя мировыми войнами и их дополнениями (к числу последних относятся, несомненно, гражданские войны в России и в Китае). Это тип "тотальной" войны, охватывающей своим воздействием в принципе все население и все сферы жизни общества. Собственно, военная всеобщая мобилизация дополнялась экономической, политической, идеологической, выражаемой, в частности, в мобилизации общественного мнения.

Другой узел массовых процессов, характерных для уходящего века, — массовое производство с его обновляющимися технологиями. Созданная им (в развитых странах) возможность реально решать проблемы нищеты и голода не путем "дележа", а путем умножения социальных благ нанесла решающий удар эгалитаристским устремлениям и смогла превратить социалистические иллюзии в реальность социальных программ и гарантий.

В XX в. впервые в производственную (шире — **"внедомашнюю"**) деятельность включились большинство женщин, что изменило функции семьи, брака, воспитания детей.

Необходимое дополнение и одновременно предпосылка массового производства — система массового потребления, ставшая реальностью в этом столетии. Она означает не только возможность всеобщего удовлетворения определенного уровня запросов в отношении питания, одежды, жилища, транспорта и пр., но и возможность потребительского выбора.

И наконец, итоговый, наиболее очевидный и быстро развивающийся феномен массового века — системы массовой информации, увенчанные Интернетом, позволяющие связать воедино всю планету и оказывать сильнейшее воздействие на поведение человека.

Вероятно, оправданно считать XX в. самым противоречивым. Все новые его феномены неоднозначны по своему воздействию. Век, в котором были сформированы предпосылки для всеобщего благополучия, в то же время создал средства всеобщего уничтожения, причем не только технические, но и социальные. Все вместе взятые гуманитарные идеи и начинания уступают по силе воздействия тому заряду взаимного отчуждения, страха и ненависти, который был накоплен в этом столетии в результате конфликтов.

Приведем распределение ответов на вопрос **"Какое определение кажется Вам наиболее подходящим для общей характеристики XX в.?"** (в % от числа опрошенных):

Характеристики века	%
Войны	32
Разрушения окружающей среды	25
Природные катаклизмы, катастрофы	20
Научные открытия и прогресс	22
Жестокость и террор	19
Космические исследования	18
Создание оружия массового уничтожения	15
Разъединение народов и стран	14
Массовая информация	13
Фашизм и национализм	9
Крушение идей социализма	9
Большие возможности для большинства людей	5
Объединение людей	4
Демократические преобразования	4
Создание основы для материального благополучия людей	3
Создание мировой системы социализма	2

Опрос типа "Экспресс", август 1999 г., N=1600 человек.

Давление "середины". Выделим лишь два наиболее характерных узла коллизий, порожденных появлением масс и массовых процессов на авансцене общественной жизни. Один из них связан с давлением "средних" массовых критериев на различные формы политической, социальной, культурной и других видов деятельности, которое создает угрозу подмены "серьезной" политики примитивным популизмом, "высокого" искусства массовым и т.д. Второй — с конфликтами так называемой (неудачно называемой) "запаздывающей" модернизации. Обе угрозы достаточно серьезны.

Конечно, массовая аудитория политики или культуры неизбежно питает "свой", доступный ей (и потому воздействующий на нее) уровень политических акций или обещаний, поп-культуры, поп-литературы и т.д. Сам по себе этот уровень ниже, примитивнее по сравнению с аналогичными формами, адресованными элитарным или сословным группам специфически (т.е. в данной области) грамотных людей. В массовом веке неизбежно появляются деятели, которые действуют на примитивно-массовом уровне, связывают с ним свой успех, карьеру. Вопрос в том, насколько самостоятельными являются "массовые" формы, насколько они могут влиять на "высшие", профессиональные уровни (а отнюдь не на искусственно конструированный "средний балл"). В "нормальных" условиях массовые формы деятельности занимают свои ниши, но никак не воздействуют на высшие, профессиональные уровни*.

* См.: Дубин Б. Группы, институты и массы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1998. № 4. С. 22-32.

Возьмем для пояснения сопоставление "высокой" и популярной науки. Понятно, что школьная, газетная, телевизионная грамотность приводят к небывалому распространению именно упрощенных, вульгаризованных представлений о различных научных феноменах. Воображаемый "средний балл" научных знаний оказывается существенно ниже, чем в те времена, когда монополией на знание обладали специалисты высокого класса, но такое сравнение никакого смысла не имеет. "Высокая", профессиональная наука не страдает от популярной, потому что имеет свою институциональную базу, кадры, традиции, технологические связи и т.д. Распространить подобную модель на культуру, на политику нельзя. Массовая культура, как и массовая политика, — это не упрощенный вариант соответствующих "больших" феноменов. Массовая литература не школьный пересказ Л.Толстого, а особый социокультурный институт со своей аудиторией, своими "творцами", своей системой критериев и т.д. И аналогичным образом, массовая политика в XX в. — это не популярно-пропагандистское изложение правительственных решений и дипломатических уверток, а особая система социальных ролей, установок, способов участия и пр., рассчитанных на формирование и использование определенных массовых интересов, оценок, страстей. Всего этого просто не существовало столетием ранее.

Приведем распределение ответов на вопрос **"Какие из перемен в образе жизни людей в течение XX в. кажутся Вам наиболее важными?"** (в % от числа опрошенных):

Вариант ответа	%
Бесплатное здравоохранение	42
Бесплатное образование	41
Развитие средств массовой информации	28
Техническая оснащенность быта, бытовая техника	27
Достижение в большинстве стран всеобщей грамотности	27
Всеобщая вакцинация населения, победа над эпидемиями	24
Система социального обеспечения для престарелых и инвалидов	20
Достижение равноправия женщин	20
Сокращение рабочей недели, оплачиваемые отпуска	20
Свобода перемещений по всему миру	18
Массовое производство одежды, обуви, товаров народного потребления	14
Самостоятельность молодежи, развитие молодежной культуры	13
Увеличение продолжительности жизни	11
Ускорение темпов жизни	10
Формирование "среднего класса"	10
Переселение населения из сельской местности в города	8
Сокращение рождаемости	7
Распространение противозачаточных средств, планирование семьи	7
Распространение наднациональной массовой культуры	6
Широкое распространение межнациональных браков	5
Смягчение наказаний, сокращение использования смертной казни	5
Признание прав сексуальных меньшинств	5
Распространение разводов	3

Опрос типа "Экспресс", сентябрь 2000 г., N=1545 человек.

Социальные, национальные, национально-религиозные, независимые, синдикалистские, сектантские, **мессианистские,** феминистские, экологические и прочие движения со своими лидерами, доктринами, фанатичными и скептическими последователями — специфический феномен массового века. Одна из новых ролей в этом круговороте — массовый политик, ориентированный не на сложившуюся институциональную систему, а на внимание массовой аудитории (активных и "зрительских" участников соответствующего действия). Другая роль — это собственно роль массового участника, зрителя, слушателя. Дополняют систему разнообразные посредники, медиаторы, интерпретаторы, в том числе **масскоммуникативные.**

Системы массовой коммуникации создают собственную аудиторию и возможности манипулирования ею. Но в разных общественных условиях эта аудитория имеет свои особенности. Различны также возможности и само содержание тех приемов, которые принято именовать манипулированием. Ведь любое воздействие на массовое сознание и поведение (если оставить в стороне пугающие фантазии на психотропные темы) происходит только через собственные структуры такого сознания, т.е. через установки, ориентации, механизмы социальной мобилизации и пр.

Химеры модернизации. В качестве более или менее всеобщего девиза века может быть использована "модернизация", поскольку этот девиз означает лишь общее направление, но не общую программу, не "проект", не современный вариант **всеоправдывающего** прогресса. Основным содержанием событий XX в. явились скорее катаклизмы и коллизии, связанные с противоречиями модернизационных процессов, "запаздывающей" модернизацией, особенностями модернизационных процессов на разных социокультурных уровнях.

Основные конструктивные элементы, "клетки" модернизационных процессов — технических, экономических, социальных, коммуникативных, ценностных и т.д., — видимо, аналогичны в любых условиях, но их сочетания могут сильно различаться, как и количество самих "клеток", используемых в отдельном наборе. Самые прогрессивные технологии могут использоваться, скажем, для укрепления деспотизма традиционного или "революционного" типа, масскоммуникативные системы воздействия — для агрессивного изоляционизма, современное оружие — для архаических обществ. И подобным же образом совершенные социальные программы могут оказаться тормозом экономической активности, а глобализация вступать в непримиримые противоречия с интересами локальных производителей. Все это, разумеется, не случайные сочетания разнородных элементов, а неизбежный результат взаимодействия социальных субъектов, каждый из которых стремится взять из всего набора "клеток" нечто полезное для себя и заблокировать то, что считается вредным или опасным. Причем происходит подобный отбор и на международных уровнях, и внутри отдельных стран, обществ, между различными группами или слоями.

Отсюда и такая "безумная" (на деле обладающая своей логикой) картина всемирной интеграции на одном уровне и противостоящих ей процессов локального, этнического, национально-государственного, группового и даже индивидуального самоутверждения.

Советский опыт массовой мобилизации. В советской системе были выработаны устойчивые образцы массовой организации, массовой мобилизации, массового пропагандистского воздействия в интересах жестко диктаторского режима. В этом плане советское общество послужило своего рода экспериментальной лабораторией, результаты деятельности которой получили широкое распростра-

нение — от нацистского рейха до третьемировских "освободительных" диктатур, не говоря уже о структурно близких режимах "соцлагеря". Отметим некоторые черты этого образца:

массовые организации (от партийной до, скажем, писательской) как средство управления массами;

система массового информационного давления через монопольные СМИ (газеты-радио-кино, а также литература, музыка, театр "направленного" действия);

регулярные пароксизмы массовой ненависти и принудительного массового энтузиазма. Поддержание мобилизационной ситуации требовало постоянного напряжения "борьбы" против внутренних и внешних врагов. Кроме борьбы "всенародной" с главными (назначенными главными) противниками режима в каждой области, в каждой сфере деятельности, в каждой научной дисциплине назначались "свои" уклонисты, извратители и т.п., разоблачение, осуждение, изгнание которых служило средством проверки кадров на "преданность" линии руководства;

создание культа "образцовых героев" в разных сферах при полнейшем пренебрежении к реальным людям (в польском варианте эта черта представлена в "Человеке из мрамора" А.Вайды);

непременный образ абсолютно непогрешимого руководящего центра ("великого вождя", "мудрой партии", "всепобеждающего учения").

Никакого массового участия в управлении государством не существовало. Была отработанная — и принятая обществом — маска массовости, народности, позволявшая правящей верхушке говорить от имени "интересов народа". И что особо важно, массы, воспитанные в обстановке абсолютной **безальтернативности,** с готовностью принимали эту мифологию и были готовы демонстрировать преданность вождю и партии, когда от них это требовали — во время ритуальных выборов, торжественных демонстраций и всенародного проклинания "врагов народа" или "поджигателей войны".

Неточно было бы характеризовать режим советского типа как популистский. Демонстративное обращение к "народу", постоянные ссылки на действия "от имени народа", регулярное натравливание полуграмотных низов на "премудрых и заумных" ("антинародное" творчество и т.п.) не составляют популизма, во всяком случае, в его западном, латиноамериканском и прочем виде. Популистские политики зависят от массовой поддержки, от массовых настроений, гонятся за ней, опасаются ее потерять. Советское руководство никогда от массовых настроений не зависело, а механизм всеобщего голосования решилось использовать лишь тогда, когда было уверено во всеобщем единогласии (или безгласии).

Советская система — когда она стабилизировалась, после гражданской войны — не испытывала никакого страха перед массовым недовольством. Искусственно создаваемая атмосфера страха перед "врагами" нужна была как средство насаждения массового доносительства и страха оказаться жертвой карательных "органов".

В этом режиме не было "диктатуры большинства" над меньшинством (которая провозглашалась декларациями революционного периода), поскольку не допускалось существования какого бы то ни было меньшинства. Была ничем не ограниченная власть правящей иерархии над "всеми" — распыленными и беспомощными единицами.

Советское общество — одна из химер модернизации XX в. Оно испытало воздействие всех рычагов массового принуждения, не пройдя периода, который У.Ростом назвал "массовым потреблением".

Правда, зона направленного влияния советской системы на массовое сознание (воспроизводство соответствующих стереотипов поддержки, страха, ненависти и пр.) ограничивалась преимущественно активной, организован-

ной частью городского населения. Далее начиналась зона простого принуждения (налоги, хлебосдача), подкрепленная карательными мерами.

Век общественного мнения. Только в XX в. общественное мнение было признано и как фактор общественной жизни, и как предмет специального изучения. Об общественном мнении философы и публицисты говорили с XVIII в., но лишь как о мнениях света, образованной публики, политизированной элиты. В XX в. действует массовое, "всеобщее" общественное мнение в современном его понимании, явленное в массовом поведении (голосованиях, потреблении), массовых вкусах, и в массовых опросах, дополненных другими видами исследований.

XX век — век всеобщих выборов, плебисцитов, референдумов, массовой рекламы, "хитов" эстрады и политики. К общественному мнению апеллируют дизайнеры и парламентарии, поп-музыканты и авторитарные правители. Не только по-разному апеллируют, но при ближайшем рассмотрении предметом их обращения являются существенно разные феномены.

Два типа общественного мнения в XX в. В профессиональных исследованиях последних десятилетий, со времен Дж.Гэллага и других прославленных пионеров изучения общественного мнения как научной дисциплины,* предметом служат конкурирующие позиции в условиях официально признанного плюрализма предпочтений различных общественных групп. Только в таких условиях различные мнения могут быть организованы, имеют своих выразителей, открыто конкурируют друг с другом и т.д. В закрытых обществах типа советского, немецкого 30-х годов, нынешнего иракского или северо-кореянского подобных условий нет (по другим причинам там обычно отсутствует и массовый потребительский выбор). Из этого нередко делают вывод о том, что в таких обществах просто "нет никакого общественного мнения". Такой вывод, как представляется сейчас, слишком упрощает ситуацию и саму динамику общественного мнения.

Повод для уточнения определений — видимые трансформации общественной атмосферы в разных странах. В веймарской Германии 20-х годов несомненно существовали признанный плюрализм и конкуренция мнений, в 30-е годы они сменились агрессивным единодушием, в конце 40-х годов ситуация плюрализма (и изучения) общественного мнения была восстановлена. В другие годы прошли аналогичную трансформацию Польша, Чехия и др., отход от монолитной модели общественного мнения наблюдается в Югославии.

Трансформации общественного мнения в нашем обществе сложнее — от зачаточного плюрализма к "монолиту" советского периода, затем к формированию политического плюрализма, в последнее время наблюдаются признаки его вырождения и тенденции — пока еще только тенденции — возвращения к монолитной модели... (Как известно, фантастические версии трансформации общества в этом направлении описаны в ряде антиутопий, в том числе в "1984" Дж.Оруэлла.) И разумеется, большой интерес представляют варианты формирования общественного мнения в странах, до недавнего времени относимых к третьему миру.

Это заставляет пристальнее рассмотреть особенности двух принципиальных моделей современного общественного мнения и условий их взаимных трансформаций.

"Классическая", т.е. служащая стандартным предметом исследования, — это, как уже отмечено, модель от-

крытого, конкурентного общественного мнения, в котором соперничают различные позиции.

Основная особенность структуры такой модели — наличие возможностей для публичного выражения (прежде всего через СМИ), а тем самым для организации плюрализма мнений. Различие позиций не формируется само собой в "толще" общественного мнения, а предьявляется ему лидерами мнений, партиями, движениями и т.д. через **масскоммуникативные** и другие (межличностные, межгрупповые) каналы. Общественное мнение плюралистично, если — и поскольку — ему предлагаются и становятся для него необходимыми варианты действий, программ, лидеров, стилей руководства.

По характеру действия открытая, конкурентная модель общественного мнения близка к модели массового потребительского выбора при наличии соответствующих условий — достаточно широкого предложения товаров или услуг, возможности сравнить потребительские качества с ценой предлагаемых благ и пр. (в отличие от избирателя, потребитель может непосредственно знакомиться с качествами предлагаемых благ и сам за них платить; избирателям приходится строить свой выбор на доверии к лидерам, посредникам, партиям, а проблема выигрыша и цены может решаться только в перспективе и то косвенным образом).

Конкурентное общественное мнение неизбежно должно быть в определенной мере толерантным по отношению к точкам зрения оппонентов.

Монолитное, закрытое общественное мнение имеет существенно иную структуру. В нем есть место только для одной, заведомо истинной позиции, носителем которой выступает единственно возможная "осевая" система **лидера—партии—идеологии**. Любое отклонение от позиции, представленной массам как единственно правильная, расценивается как враждебное. Поэтому выборы, если они как будто проводятся, на деле заменяются плебисцитом, т.е. выражением доверия к одной, уже утвердившейся позиции.

Условиями монолитного единомыслия, как правило, являются политическая мобилизованность общества, психологически-агрессивная общественная атмосфера, крайняя нетерпимость к инакомыслию и расколу в собственных рядах, к любым "чужим", в том числе иностранцам, инородцам. (В данном случае психологическая агрессивность может сопрягаться и с ситуацией изоляционизма, "осажденной крепости" и т.п. — положение С.Хусейна, до недавнего времени и С.Миловшича; отечественный опыт не нуждается в напоминании.)

Опросы общественного мнения, по крайней мере на политические темы, в закрытых обществах бессмысленны и вредны, поскольку они могут обнаружить опасные очаги или хотя бы случаи "неправильных" мнений. Но о ситуации в таких средах можно судить по иным показателям — тем же массовым (плебисцитарным) голосованиям, массовым выражениям демонстративной поддержки лидеру или ненависти к враждебным силам, по отсутствию протестов, по характеру политических преследований.

Нельзя объяснить подобные ситуации просто массовым принуждением или обстановкой всеобщего устрашения. И наш собственный, и чужой опыт свидетельствует о значительной роли добровольного массового участия в поддержании атмосферы всеобщего **единодушия—единогласия—единомыслия**. Стремление "быть как все", более того, готовность упиваться собственным "растворением" в массе — распространенная разновидность социального мазохизма, которая предельно упрощает жизнь, избавляет человека от мук совести, от индивидуальной ответственности, от сложности нравственного выбора, превращает его в потенциального добровольно-безответственного соучастника массовых акций, в том числе и массовых преступлений **режима**. В подобном пароксизме восторженного само-

* См.: *Докторов Б.* Джордж Гэллаг: «В жизни нет "среднего" человека» (К 100-летию со дня рождения) // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 5. С. 48-58.

уничтожения не столь важно в принципе, на кого переносится ответственность — непосредственно на "всех" ("действию, как все"), на непогрешимого харизматического лидера ("фюрер думает за тебя") или на некую идеологическую, религиозную **структуру**. Такого рода "растворенная" сопричастность создает сильнодействующую иллюзию безопасности, как внутренней (от сомнений), так и внешней (от враждебных сил). Более того, малейшая попытка противостоять всеобщему единодушию, сохраняя собственную позицию, вызывает спонтанное возмущение и яростный — не только приказной — коллективный отпор: ведь сама возможность отдельного мнения подрывает всю систему коллективной безответственности.

Поэтому столь часто с такой легкостью уступает новому единомыслию зачаточный, искусственно созданный плюрализм, особенно в условиях социально-политической мобилизации и воинственной напряженности.

Российский "мобилизационный" эксперимент 1999-2000 гг. дает поучительный материал для понимания подобной трансформации. Впервые за последнее десятилетие на политической сцене сложилась ситуация фактической **безальтернативности**, отсутствия соперников у претендента на главную должность в государстве. Впервые была искусственно создана ситуация мобилизационной напряженности как главное условие политической сплоченности и безальтернативного выбора. Впервые избирательная ситуация оказалась предельно технологизированной, цинично свободной от идеологических нагрузок. И, наконец, впервые столь крупную роль в поддержке ранее мало известного деятеля, не имевшего за спиной ни структурных, ни традиционных опор, играла непосредственная апелляция к общественному мнению. Однако в социальной реальности никакой эксперимент не может слишком долго оставаться чистым. По мере того, как первоначальные политические эффекты уступают место вынужденным компромиссам, маневрам, самооправданиям, мобилизационная напряженность спадает, изменяется если не масштаб, то значение массовой поддержки избранного лидера. При этом сохраняется ситуация безальтернативности политического поля, дезориентации всего демонстративного политического спектра. Тенденция нового "монолитизма" существует, но для того, чтобы она стала реальностью, требуются существенные изменения в политических и социальных структурах. Существует и возможность формирования реального — хотя бы дуалистического — плюрализма позиций и мнений. Чтобы стало ясно, какая из этих тенденций возобладает, потребуется время, скорее всего, не месяцы, а годы.

Приведем распределение ответов на вопрос **"Говорят, что люди XX в. во многом отличаются от тех, кто жил в XIX в. и раньше. Как Вы думаете, правда ли, что наши современники более..."** (в % от числа опрошенных):

Вариант ответа	%
Раздражительные	45
Образованные	42
Умные	31
Злые	30
Безнравственные	28
Нетерпимые	24
Несчастливые	21
Терпимые	15
Невежественные	13
Добрые	11
Глупые	8
Нравственные	7
Счастливые	6
Спокойные	4

Исследование типа "Экспресс", ноябрь 1999 г., N=1600 человек.

"Массовый разум" и "массовый человек". В судьбах и трагедиях XX в. общественное мнение занимает значительное место не просто как зеркало, но как организатор, как фактор сплочения человеческих множеств, формирования иллюзий, увлечений, кумиров, оправдания (реже — осуждения) массовых преступлений. Можно полагать, что в понимании событий этого века свое место когда-нибудь займет и *критика массового разума* ("критика" в том смысле, который ей придавался в классический период — как анализ возможностей, пределов, условий существования).

Специфический персонаж, главный герой XX в. — *массовый человек*. Джинн, выпущенный из бутылки в двадцатом столетии, оказался не героем, не великаном, не борцом, а "средним", "массовым" человеком, который оказал значительное, формообразующее влияние на все процессы и перемены, от производства до войн, от системы ценностей и социальной мифологии до спорта и досуга. Именно этот персонаж является характерным предметом изучения в репрезентативных опросах общественного мнения.

Он массовый производитель и массовый потребитель все большего количества и разнообразия благ.

Он умеет работать и понимает необходимость работы, но больше ценит досуг, семью, малые бытовые радости жизни.

Он не герой и (в обычных условиях) не поклонник героев. Он гордится тем, что он обычный, простой человек.

Он не верит в пользу утопий и переворотов, но надеется на постепенное улучшение жизни собственной и своих детей.

Он пошловат, приземлен, узкопрактичен в своих интересах; его прототип в годы "героических" страданий клеймили как обывателя, мешанина и пр.

Именно он (а не воинственные "контрас" или поэтизированные "белые стаи") является главным и эффективным противником бунтов и революций XX в.

Он технически грамотен, освоил бытовую технику, автомобиль, в ближайшие годы 100%-но освоит компьютер и Интернет, верит в научно-технический и медицинский прогресс, но не ждет от него чудес, меняющих представления о жизни и счастье.

Он практический космополит, способный жить, учиться, работать, отдыхать в любой точке земного шара, что, впрочем, не мешает ему испытывать определенную привязанность к отечеству.

Обычно он не любит деспотов и деспотизма, но в экстраординарных ситуациях может создавать их и становиться их жертвой.

Он в известном смысле задает тон, служит образцом для подражания со стороны других. Но он не составляет большинства в мире, вызывает ненависть обделенных (или считающих себя таковыми, в том числе и обделенных чувством собственной значимости).

Нет нужды обращаться к глобальной географии, чтобы рассмотреть реальную пестроту маргинальных человеческих типов, пытающихся бросить вызов массовому человеку. Весь этот набор можно встретить в нынешнем, глубоко маргинальном российском обществе.

Приведем распределение ответов на вопрос **"Как Вы считаете, жизнь в XXI в. будет более напряженной или более спокойной, чем в наши дни?"** (в % от числа опрошенных):

Вариант ответа	%
Будет более напряженной	53
Будет более спокойной	17
Такой же, как сейчас	13
В чем-то более спокойной,	
в чем-то более напряженной	7
Затрудняюсь ответить	10

Исследование типа "Экспресс", август 2000 г., N=1600 человек.

Таблица 1

Какие проблемы, на Ваш взгляд, наиболее остро будут стоять в XXI в.?
(в % от числа опрошенных в мире и в России)

Вариант ответа	В мире	В России
Загрязнение окружающей среды	55	37
Распространение СПИДа и других смертоносных эпидемий	36	34
Распространение наркомании	23	33
Исчерпание природных ресурсов	25	22
Международный терроризм	17	16
Природные катастрофы и климатические катаклизмы	22	11
Падение уровня рождаемости	15	29
Нищета и голод в отдельных странах	14	15
Глобальный экономический кризис	8	11
Локальные вооруженные конфликты	8	14
Угроза новых мировых войн	16	8
Опасные изменения в генетике человека	10	4
Перенаселение	6	1
Угроза войны с космическими пришельцами	1	1

Исследование типа "Экспресс", август 2000 г., N=1600 человек.

Рамки массовых ожиданий. Как и следовало ожидать, распространенные представления о наступающем столетии оказываются довольно примитивными. В них обычно используется один из двух приемов: либо допускается, что "там", за воображаемой гранью веков, примерно то же, что и здесь (продолжение известного), либо предполагается, что "там" все иначе (отрицание известных порядков, реализация "запредельных" надежд, всеобъемлющая катастрофа или что-то в этом роде). Сейчас явно преобладают ожидания первого, "актуалистического" типа. Ждут дальнейших улучшений там, где они наметились, верят в технику и медицину (между прочим, довольно оптимистически смотрят на генную инженерию, вопреки преобладающему тону СМИ), но не в утопии и перевороты (см. табл. 1 и 2).

Стоит обратить внимание на явное разделение преимущественно "наших" и преимущественно "общих" (точнее, "чужих") проблем. Наркомания, падение рождаемости, экономический кризис, локальные конфликты — то, что беспокоит прежде всего нас; причины не требуют пояснения ("глобальный экономический кризис" для нас — это август 1998 г.). Загрязнение окружающей среды, природные катастрофы, мировые войны, опасность генетических изменений, перенаселение — это скорее "их" проблемы. Общими (одинаково важными) остаются СПИД, терроризм, нищета и голод. Довлест дневи злоба его...

Татьяна ЗАСЛАВСКАЯ

Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса

Трансформационная активность социальных субъектов: определение понятия. Общепринято считать, что основным содержанием посткоммунистических трансформационных процессов служит преобразование институциональной структуры общества. В основе этих процессов лежит борьба многих противоречивых сил. Более массовые тенденции, суммируясь, вызывают институциональные сдвиги, противоположно направленные — погашают друг друга, а относительно слабые — остаются латентными. Движущей силой и главным инструментом борьбы за конкретные институциональные перемены служит *трансформационная активность* индивидуальных и коллективных акторов — индивидов, организаций и групп, движимых разными мотивами, интересами, потребностями и ценностями.

Под трансформационной активностью я имею в виду тот специфический элемент действий социальных акторов, который обуславливает или в конечном счете влечет за собой (не важно, прямо или косвенно) *качественное изменение общественных институтов*. Понимаемая таким образом трансформационная активность охватывает все виды социальных действий людей, служащие прямыми и косвенными источниками позитивных и негативных трансформационных процессов, и является их главной движущей силой.

Но какую именно часть массовых социальных действий можно отнести к трансформационной активности? В максимально широком смысле это понятие охватывает всю совокупность социально значимых действий, отражающих реакции индивидов, организаций и групп на обусловленные реформами изменения в их статусах, правах и возможностях. В более узком же смысле к трансформационной активности можно отнести в первую очередь те модели социальных действий, которые *отклоняются от институциональных традиций*.

Трансформационная активность относительно *рациональна*. Она отражает более или менее продуманную реакцию субъектов на изменение условий игры, нередко — результат рационального взвешивания и выбора одной из нескольких возможных стратегий. Иррациональные (аффективно-эмоциональные или подражательные) реакции на реформы тоже имеют место, но заметное влияние на преобразование институтов они оказывают лишь в случае приобретения массового характера. Таким образом, трансформационную активность можно определить как *совокупность социально-инновативных действий, являющихся преимущественно рациональным ответом со-*

Таблица 2

Как Вы думаете, возможно ли в XXI в.
(в % от числа опрошенных)

Событие	Обязательно произойдет	Вполне возможно	Маловероятно	Совершенно невероятно	Затрудняюсь ответить
Объединение всех государств Земли в единый союз	2	21	36	30	11
Установление единого языка	1	16	37	36	10
Существенное увеличение продолжительности жизни	2	32	39	18	10
Распространение генной инженерии	7	49	18	7	19
Полная автоматизация производства	8	48	27	7	9
Появление колоний землян на Луне и планетах	3	21	32	31	14

Исследование типа "Экспресс", август 2000 г., N=1600 человек.